

Нижеприведенные материалы содержат сцены взрослых ситуаций и графического насилия, не подходящие для несовершеннолетних. Рекомендуется проявлять осторожность.

Сказать, что я был недоволен жизнью, значит ничего не сказать. Я никогда не был особо счастливым человеком. В детстве у меня было мало друзей, а большинство из тех, кто у меня был, либо уехали в какой-то момент, либо ударили меня в спину. Меня до сих пор раздражает, когда я вспоминаю, как мой «друг» Джейсон хвастался мне, что продал своему приятелю Рону поврежденную копию Tomb Raider, которая, как он знал, не работала... При том, что на самом деле он продал ее мне. Он был не просто засранцем, продавшим мне игру, которая, была сломана, он ещё и не мог отличить меня и Рона друг от друга. Мы были взаимозаменяемы. Я думал, он мой лучший друг, а на деле оказалось, я мало что для него значу.

Средняя школа была мусором. У меня постоянно были самые высокие оценки в классе, и при этом я почти не прикладывал усилий. Из-за того, что я был ботаником, все остальные завидовали моим оценкам (серьезно, у меня были одни пятерки, а второй по успеваемости ребенок с трудом старался сохранить свой средний балл на уровне четверки. Американская система образования — это шутка. Школа — это просто удобное место для хранения детей, пока их родители на работе, с дополнительным преимуществом в виде государственных центров индоктринации. Непосредственно образовательная часть стоит на втором месте по приоритетности), меня много дразнили. Я имею в виду, МНОГО. Хотя в тот единственный раз, когда какой-то мудака попытался применить ко мне физическую силу, я надрал ему задницу. Я ходил на уроки карате с начальной школы, но даже не использовал ничего из этого — я просто повалил его на землю после того, как он ударил меня, а затем разбил ему лицо камнем. Возможно, я немного переборщил. Если честно, он сам начал, а у меня были ГОДЫ накопившегося гнева и разочарования, и к тому моменту мне уже порядком надоело это дерьмо. Как только меня отстранили от занятий (честно говоря, я думаю, что единственной причиной, по которой меня не исключили, было то, что я в одиночку повысил средний балл всего класса, а это важный показатель для школы), все узнали, что произошло.

Поэтому они игнорировали меня. Вместо того чтобы постоянно издеваться надо мной, возиться с моим столом и вообще быть придурками, они просто делали вид, что меня не существует. Меня это вполне устраивало. Я просто сидел на задней парте и целыми днями читал научно-фантастические и фэнтезийные романы — учителям было все равно, лишь бы я продолжал сдавать стандартизированные тесты, которые они как святое писание проводили каждый месяц или около того.

Затем я отправился в колледж. Я получил бесполезную степень по истории, набрал огромный долг по студенческому кредиту, который не надеялся погасить по крайней мере в течение следующих десяти лет, сходил на несколько случайных свиданий со знакомыми девушками и каждый раз слышал речь про «давай останемся друзьями», вступил в братство, где половина парней считала меня крутым (потому что я мог написать научную работу на пять с плюсом за 20 долларов в ночь перед сдачей), а другая половина едва терпела мое существование, оставил метровый кратер на лужайке перед кафетерием с помощью старого фейерверка и вышел в реальный мир.

Реальный мир — это отстой. Для тех из вас, кто еще молод и учится в школе, нет, легче не становится. Никогда не станет легче. Жизнь — это одна долгая, мучительная тягомотина, в которой вы не можете дождаться, когда мучения закончатся, а когда они наконец заканчиваются и вы переходите к следующему этапу своей жизни, вы обнаруживаете, что предыдущий был не так уж плох по сравнению с предыдущим, и теперь начинается настоящая боль. Единственный легкий день был вчера. Я потратил пару лет, пытаюсь найти работу со своим дипломом, но обнаружил, что никому нет дела до специальности историка, если только у вас нет PhD. В этом случае ты просто идешь в академию и читаешь лекции детям, которые пытаются получить степень по истории. Вообще-то, когда я об этом думаю, большинство дипломов колледжа похожи на герпес — они существуют исключительно для того, чтобы передаваться другим. Герпес с долгом в 100 000 долларов по студенческому кредиту, за который отвечает правительство, так что вы никогда не сможете выбраться из него, даже если объявите о банкротстве, сбежите из страны или сделаете что-нибудь ещё, кроме смерти. Вы — пожизненный раб, ура!

Я переходил с одной работы на другую, пытаюсь найти ЧТО-ТО, что превратилось бы в достойную карьеру, за которую платили бы достаточно хорошо, чтобы этого хватало на жизнь. Да, не повезло. По крайней мере, до тех пор, пока я не понял, что вместо колледжа мне следовало бы пойти в профессиональную школу и выучиться на сварщика или что-то в этом роде. Seriously, эти парни делают деньги. Так что я поступил и стал электриком. Весь день я работал на стройке, гнул трубы, монтировал коробки, тянул провода, рыл траншеи и все такое, а вечером пошел в школу, чтобы стать электриком-подмастерьем. В детстве я ненавидел математику, но обнаружил, что она не так уж страшна, когда ее можно использовать для чего-то, кроме сдачи скучных стандартных тестов. Закон Ома, падение напряжения, емкость распределительных коробок, сила тока — все это было довольно круто, и большинство из этого я в итоге использовал на работе. Это все еще была тяжелая работа, и мне всё еще нужно было несколько лет, чтобы стать подмастерьем и начать зарабатывать приличные деньги, но это позволяло оплачивать счета. Большинство из них. Ну, хотя бы те, что позволяли зажигать свет и заправлять машину. Мою подержанную пятилетнюю машину, которую раньше водила мать-одиночка, понятия не имевшая, что такое замена масла и почему горят все лампочки на приборной панели. Но эй. Мне было 28 лет, и если все было не очень хорошо, то, по крайней мере, это было лучше, чем если бы мне проткнули глаз. По крайней мере, большую часть времени. Иногда я сомневался, действительно ли попадание ледоруба в глазное яблоко было бы так уж плохо по сравнению с тем, как прошел мой день.

У меня по-прежнему не было никакой социальной жизни. У меня было очень мало друзей, которых я мог видеть воочию, и большинство из них жили на противоположном конце города, поэтому с ними было трудно общаться. К тому же у них была своя жизнь, поэтому наши графики часто не совпадали. Не повезло и в романтическом плане: единственной моей коллегой-женщиной была чернокожая лесбиянка (которая была довольно классной, но явно не подходила для романтических отношений), никто из моих друзей не знал одиноких женщин, а когда я через год или около того вернулся в церковь, мне пришлось переходить из одной в другую в надежде найти ту, где была бы солидная группа одиночек. Все они состояли исключительно из мужчин. Буквально все женщины, которых я считал хотя бы отдаленно подходящими, были замужем. Мой отец настоятельно советовал мне пригласить мать-одиночку, живущую в соседней со мной квартире — извините, я не собираюсь растить чужих детей и разгребать чужой дерьмовый шторм в жизни. Она мать-одиночка не просто так — она сделала ужасный жизненный выбор. О, онлайн знакомства? Да. Все хотя бы сколько-нибудь привлекательным женщины, с которыми я переписывался, никогда не отвечали. Ни. Ког. Да. Те, кто написали мне первыми? Каждая из них была либо ветчиной, покрытой шестьюдесятью

татуировками, либо, вы угадали, матерью-одиночкой с двумя детьми-мулатами, ищущей сахарного папочку, чтобы разгрести взрывоопасную бурю дерьма, которой была ее жизнь. Нет, спасибо.

В общем, в целом, я не был счастливым человеком. Некоторые дни были более терпимыми, чем другие, но обычно это были дни, когда я просто сидел в своей квартире и смотрел аниме или какой-нибудь научно-фантастический сериал, который вышел в эфир много лет назад, или читал книгу. У меня появилось несколько хобби: я собирал модели Gundam, мое прошлое в карате привело меня в группу средневековых боевых искусств и я научился сражаться средневековым оружием (у меня был функциональный цвайхандер, но я все еще не мог позволить себе полный комплект доспехов; и было очень трудно найти кого-то, кто сделал бы функциональный колесцовый пистолет, чтобы я мог завершить своё снаряжение времён тридцатилетней войны), я регулярно ходил в походы, на охоту и в турпоходы, а поскольку у меня не было девушки, которая бы вытягивала из меня деньги, я тратил остаток своих свободных средств (которых было не так уж и много) на оружие. Я люблю оружие. У меня есть винтовки времен обеих мировых войн и нескольких других крупных конфликтов. Я подумывал об участии в исторических реконструкциях, но покупка формы и всего снаряжения требовала денег не меньших, чем стоили мои доспехи, это слишком дорого. Но все это были лишь увлечения, которыми я занимался в одиночку. Единственное время, которое я проводил, общаясь с людьми, было в Интернете.

Я, конечно, ходил на имиджборды. Я мог шитпостить на лучших из них. Я посещал различные хобби-сайты и форумы для любителей оружия, военной тематики и научной фантастики, а социальных сетей избегал как чумы.

Но больше всего времени я провел, конечно же, на сайте Hiraeth.

Hiraeth — это валлийское слово, не имеющее точного перевода ни на один другой язык, но приблизительно оно означает глубокую тоску или тоску по месту, которое, возможно, даже не существует. На баннере форума изображен астронавт в скафандре, стоящий посреди поля цветов с текстом «Тоска по месту, в существовании которого я даже не уверен». Владелец форума называл себя Saudade, это португальское слово, примерно означающее «ностальгия или грустная тоска по месту, человеку или периоду времени, которого больше не существует и в который вы никогда не сможете вернуться». На его аватарке был космонавт, лежащий на голом матрасе рядом с бутылкой антидепрессантов. Saudade часто пускался в длинные разглагольствования о том, что «мы могли бы уже колонизировать Марс, но нет, вместо этого нам пришлось платить за государство всеобщего благосостояния!» Или: «Знаете ли вы, что в 1970-х годах у нас была технология для строительства космической колонии O'Neill Island 3? А стоимость строительства космической колонии, способной разместить более миллиона человек и производить всю необходимую для их выживания пищу и воздух, меньше, чем мы тратим на социальное обеспечение каждый год? Наша инфраструктура разрушается, наша космическая программа прошла путь от прогулок по Луне до хвастовства отправкой на орбиту первого гея, транссексуала, черного, испаноговорящего, мусульманина, параплегического эскимоса... на русской ракете, потому что наша космическая программа больше не запускает даже свои собственные гребанные ракеты». Да, я точно помню его разглагольствования, потому что все они были одинаковыми. Кстати, мой ник на экране был Sehnsucht. Если вам интересно, что это значит, просто посмотрите на hiraeth или saudade, и вы поймете суть, но на немецком. На моем аватаре был изображен человек, которого похищает летающая тарелка, с текстом «Я

хочу уйти».

Все на форуме были такими же, как я — недовольными своей жизнью, тоскующими по другому миру, по альтернативной реальности, по тому, что могло бы быть. Мы обсуждали альтернативную историю: что если бы Гитлер победил во Второй мировой войне, или Римская империя не распалась бы и не рухнула, или Индия открыла бы чудеса водопровода. Мы обсуждали, каким мог бы быть современный мир, если бы мы действительно разработали все крутые технологии 60-х и 70-х годов, такие как гирореактивные пистолеты, проект «Орион» (космический корабль, который летает, выбрасывая ядерные бомбы; это потрясающе, поищите), колонизация космоса, идея Рональда Рейгана о системе космической обороны или НК G11. Мы обсуждали фантастические миры: Толкиена, Берроуза, Лавкрафта, или то, что практически любая история — более хорошая история любви, чем «Сумерки». По сути, мы обсуждали все, что могло бы отвлечь нас от реального мира, который мы так ненавидели, и альтернативные реальности, в которых мы предпочли бы жить.

Это был увлекательный способ скоротать время в общении с единомышленниками-неудачниками, ненавидящими свою жизнь, вступая в страстные споры об истории, будущем и многом другом. Но это было лишь отвлечение. Рано или поздно, обычно около полуночи, мне приходилось отрываться от компьютера и возвращаться в реальный мир.

Однажды я зашел в Hiraeth, чтобы скоротать время, готовясь к походу. У меня были трехдневные выходные, и я обещал взять в поход своего племянника — он не виноват в том, что моя сестра (его мать) была тупой шлюхой, а его отец — отсутствующим, торгующим наркотиками придурком, и если уж на то пошло, его детство было еще более отстойным, чем мое, поэтому я играл в ответственного дядю и пытался дать ему немного счастья в жизни. Он хотел пойти в поход, и я согласился. Он также хотел пострелять из моего люгера и маузера, на что я тоже согласился — отчасти для того, чтобы заразить его любовью к истории и огнестрельному оружию, но в основном потому, что я знал, что его мать будет в ярости, когда позже узнает об этом.

Все мои вещи уже были сложены в массивный армейский рюкзак ALICE, и я просто ждал, когда сестра подвезет ребенка к моей квартире, чтобы мы могли уйти. Скорее всего, она даже не постучит в дверь и не поздоровается, просто вышвырнет его из машины и уедет, чтобы заняться тем, чем безответственные тупые женщины занимаются в свободное время. Мне очень жаль этого ребенка.

Итак, я начал просматривать Hiraeth, раздраженно отмечая, что моя сестра опаздывает уже на полчаса, когда заметил, что у меня есть личное сообщение от какого-то парня под ником Мефистофель. Я видел, как он раз или два писал в некоторых больших темах, но не думаю, что когда-либо взаимодействовал с ним напрямую.

Послание было простым: «Не устраивает этот мир? Почему бы не попробовать жить в другом?» Внизу была ссылка.

Любопытствуя, я щелкнул по ссылке. Открылось другое окно браузера.

«В каком мире вы хотели бы жить?»

Там было множество различных категорий. Доисторический период, средневековье, стимпанк, дизельпанк, футуристическая фантастика и многое другое. После выбора общего жанра или временного периода, появлялся еще один список вариантов, сужающий круг поиска еще больше. Регион, время, магия, технология или и то, и другое, политика, религия, высокое фэнтези или низкое, жесткая наука или мягкая, и многое другое.

Что все это значит? Опрос? Какая-то браузерная игра? Я посмотрел на время, проверил телефон, не ответила ли моя никчемная сестра на мои сообщения с вопросом, где она, и пожал плечами. Почему бы и нет? Вполне можно убить время.

Так вот, в нем специально упоминалось, что мой «новый мир» будет не точной копией реального времени или места, а «самым близким из доступных». Что бы это ни значило. Для региона я выбрал центральную Европу, а затем возился с временным периодом, политикой, религией и другими параметрами, чтобы попытаться примерно соответствовать Тридцатилетней войне, которая проходила с 1618 по 1648 год. Я не собираюсь вам это объяснять, почитайте статью в Википедии или что-то в этом роде. Мне нужна была магия, но не слишком мощная по сравнению с технологией. Там также спрашивалось, согласен ли я с «фэнтезийными расами». Предполагая, что это означает такие вещи, как эльфы и гномы, я ответил «да». Мне даже предложили выбрать язык, которым я буду владеть — я выбрал какое-то бессмысленное слово, которое сопровождается описанием «язык, на котором говорят дворяне, духовенство и выходцы из воспитанных, образованных семей», а не другое бессмысленное слово, утверждающее, что это «общий язык». Думаю, я просто выбрал фэнтезийный эквивалент средневековой латыни.

Потратив добрых двадцать минут на возню с настройками и еще два раза написав сестре, чтобы спросить, где она, черт возьми, находится, я был более или менее удовлетворен настройками «моего мира». Игра, или что это было, была немного скучна на фактические детали, но если предположить, что она действительно создавала игровой мир, похожий на мои настройки, то это должно было стать интересным способом провести время. Бог свидетель, это все, что я делал в своей жизни до сих пор, хотел я этого или нет.

Я нажал на кнопку, подтверждая, что закончил настройки, и появилось новое уведомление.

«Сейчас вы будете перенесены в указанный вами мир. Вы уверены, что хотите продолжить?»

Я был уверен, что оно либо отправит меня в браузерную игру, либо заразит мой компьютер вирусом, но я притворился, что оно действительно собирается волшебным образом перенести меня в другой мир. Почему бы и нет. Мне было скучно, и я все больше расстраивался из-за того, что моя сестра в очередной раз не приняла во внимание других и не пришла, когда обещала.

Но если это псевдосредневековый фэнтезийный мир, разве я не должен быть готов? Закатив глаза на собственные выходки, я снял со стены свой полностью исправный цвайхандер и надел

рюкзак с семьюдесятью с лишним фунтами снаряжения и расходных материалов. Нет, я не беру в походы легкие вещи — я люблю приходить подготовленным, излишки снаряжения, которые я могу себе позволить, часто тяжелее ультрасовременного рюкзачного снаряжения, и я работаю в строительстве, так что вес меня не беспокоит. Затем я сделал небольшую паузу.

Какую самую ценную вещь я мог бы взять с собой в 1600-е годы? Современные технологии, такие как мой телефон или компьютер, были бы бесполезны без возможности зарядить их, и нет никакой возможности скопировать их, имея лишь технологии той эпохи. Я достал из ящика стола серебряные карманные часы моего деда, прикрепил цепочку к поясу и сунул их в карман — часы появились в начале 1600-х годов, но карманные часы появились только в конце 1600-х - начале 1700-х годов, и даже тогда потребовалось еще несколько десятилетий, чтобы они стали доступными ещё и для простолюдинов, а не только для богачей. В ту эпоху представление о «современных» карманных часах (1880-х годов, очевидно, мой дед купил их подержанными) и последующее копирование их дизайна может оказаться полезным. Но что еще?

Мой взгляд блуждал по столу и полкам со всевозможными безделушками, моделями и хламом, когда я заметил пыльную стопку из двадцати или около того алюминиевых монет. На каждой был изображен свой олимпийский спортсмен, они были отчеканены в честь Олимпийских игр около десяти лет назад. Кто-то дал мне их бесплатно, и как только я убедился, что они не имеют практически никакой коллекционной ценности, монеты с тех пор пылились на полке. Но они были алюминиевые.

Алюминий как металл был открыт только в начале 1800-х годов, если я правильно помню. Конечно, квасцы были известны с древних времен, но до недавнего времени никто не знал, что алюминий — это металл. Хотя алюминий является одним из самых распространенных элементов в земной коре, найти его в чистом виде практически невозможно. В отличие от меди или железа, вы не можете просто нагреть руду и получить из нее чистый металл, вам придется очищать алюминий химическим путем или с помощью электричества. До конца XIX века, когда был открыт новый способ очистки, алюминий был чрезвычайно редким металлом и стоил гораздо дороже золота. По слухам, Наполеон III подавал почетным гостям на ужин алюминиевую посуду, в то время как менее уважаемым гостям приходилось довольствоваться золотом. Камень Вашингтонского монумента был самым большим куском литого алюминия в то время, когда он был изготовлен. В 1867 году, когда началось массовое производство алюминия, его стоимость составляла 300 французских франков за килограмм, или чуть более 80 долл. В 1860-х годах кузнец, работавший 60 часов в неделю, зарабатывал около \$10, поэтому для покупки килограмма алюминия ему пришлось бы работать восемь недель подряд, не тратя ни цента из своего дохода на еду или другие необходимые вещи. Золото в то время стоило около 20 долларов за унцию, поэтому за тот же период времени он заработал бы четыре унции золота. Сейчас всё далеко не так, как раньше, когда алюминий стоил дороже золота. Сегодня унция золота стоит от 1 400 до 1 600 долларов. Армейский револьвер Colt Model 1860 стоил в то время 60 долларов, но это было связано с тем, что компания накручивала цены для армии Союза, поскольку во время Гражданской войны был огромный спрос на пистолеты. Вьючная лошадь стоила около 25 долларов, но высококлассная верховая лошадь могла стоить до 75 долларов. Раб на плантации, находящийся в расцвете сил и готовый собирать хлопок, стоил около 800 долларов.

Так что мой алюминий будет чрезвычайно ценным, если я возьму его с собой во времена и места, напоминающие Европу 1600-х годов. Я поднял стопку монет и засунул их в боковой

карман рюкзака. Почему бы и нет? Я мог бы показать их своему племяннику и преподать ему урок истории алюминия и того, как самый дешевый и распространенный ныне металл в мире когда-то был самым редким и ценным. Может быть, ему монеты понравятся больше, чем мне.

Сделав это, я нажал кнопку «Да» в браузере.

«ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Как только вы отправитесь в указанный вами мир, вернуться будет крайне сложно или невозможно. Вы можете никогда больше не увидеть свой дом или близких. Вы все еще хотите продолжить?»

Что это? Он действительно ведет себя так, как будто я собираюсь перенестись в альтернативную реальность?

Развеселившись, я нажимаю «да».

«Последнее предупреждение: Вы не сможете отменить это. Если вы продолжите, вам придется жить с последствиями вашего решения. Вы все еще хотите продолжить?»

Боже, они действительно используют всё возможное, не так ли. Ну же, переходите к игре. Если только вы не хотите сказать, что игры нет, и это все тактика оттягивания времени, чтобы разочаровать меня откровением, что игры нет, или она есть, но я должен заплатить, чтобы поиграть. На самом деле, сейчас я просто трачу время впустую, так что я не буду слишком сильно разочарован.

Я нажимаю «да», и моя задница тут же упала на пол, как будто мой стул исчез из-под нее.

На мгновение мой рот в шоке открылся, когда мои глаза перешли от тусклого свечения экрана компьютера к яркому солнечному дню на улице. У меня болела задница так, будто я только что упал с сидячего положения на землю с 70-фунтовым рюкзаком, полным походного снаряжения, и мечом, перекинутым через плечо. На самом деле, именно это и произошло.

Я нахожусь на природе. Я сижу посреди грунтовой дороги в лесу. Мой мозг на мгновение отключается.

Это ты, Джон Уэйн? Это я?

Что.

За.

ХУЙНЯ.

Что. Что. ЭТО БЕССМЫСЛЕННО.

Неужели я сейчас в походе с племянником, и я каким-то образом забыл все, что было между этим моментом и тем, когда я нажал «да» на этой дурацкой браузерной игре? У меня был инсульт? Что?

Я огляделся вокруг, но нигде не увидел своего племянника. Я посмотрел на часы и... с тех пор, как я в последний раз смотрел на них, прошло всего пара минут. Я встал, с некоторым трудом из-за рюкзака и огромного меча, и достал телефон из заднего кармана брюк. Он подтвердил время, показываемое моими часами, и дату.

Какого черта? Как я сюда попал? Где здесь? Я разблокировал телефон и... нет сигнала. Конечно. Я открыл функцию GPS, поскольку для ее работы не нужна мобильная связь, и... сигнала нет. Ясный день, отличная погода, я на открытом пространстве, как может не быть сигнала от спутников?

Раздраженный, я засунул телефон обратно в карман и огляделся по сторонам. Я пошлепал себя по лицу раз или два, затем потер руку о дерево. Ага. Все это реально. У меня нет галлюцинаций. Возможно, кто-то подсыпал мне наркотики и подбросил сюда в качестве розыгрыша, но я думаю, что нет.

Так как же, черт возьми, я здесь оказался? Если только...

Нет. Невозможно. Такого не может быть. По крайней мере, за пределами плохого сезонного аниме или фанфиков.

Начиная всерьез злиться на кого-то или что-то, отвечающее за это, я перепроверил все свое снаряжение. Все на месте. И мой пистолет HK USP Compact все еще в кобуре на бедре. У меня есть лицензия на скрытое ношение, и я нахожусь в дикой местности, поэтому стоит быть готовым. Только теперь мне нужно учесть и возможных похитителей. Я поправил рубашку и камуфляжную армейскую куртку, в которую был одет, чтобы пистолет был более открытым и до него было легче добраться. Я также убедился, что крепко держу цвайхандер, который лежит на одном плече — держать его иначе быстро надоест, у меня нет ножен для него, а даже если бы и были, меч слишком велик, чтобы быстро и легко извлечь его из ножен, если меня застанет врасплох дикий зверь или находчивый похититель, склонный к странным проделкам. Исторически сложилось так, что солдаты носили их так же, как и я, — без ножен и на одном плече. Но я не средневековый солдат. Я электрик в походе. И если кто-то собирается заманить меня в лес в качестве какой-то безумной шутки, зачем брать с собой огромный меч?

Осмотревшись вокруг, я увидел только деревья и грунтовую дорогу, простирающуюся передо мной и позади. Ни в одном направлении ничего не видно. Солнце находится на правильной высоте для середины утра, что совпадает с показаниями моих часов, так что это, должно быть, восток. Я достал компас и проверил. Далее дорога идет примерно на север и на юг. Север — это направление, в котором я изначально смотрел, когда приехал сюда, где бы я ни был. Поэтому, не найдя ничего лучшего, я пожал плечами и начал идти.

Я проверял свой телефон каждые десять минут или около того, но по-прежнему не было ни телефонной связи, ни сигнала GPS. Я шёл уже больше часа, и всю дорогу вокруг были одни деревья. Как раз в тот момент, когда я начал думать о том, чтобы повернуть назад и пойти в другую сторону, деревья начали редеть — я либо приближался к поляне, либо к краю леса.

Выйдя, я остановился. Это определенно край леса. Впереди я увидел открытые поля, постепенно переходящие в квадраты и прямоугольники сельскохозяйственных угодий. А впереди, вдалеке, то, что кажется городом или поселком. Во всяком случае, там много зданий. Я снова проверил свой телефон, поморщился и положил его обратно в карман.

Только когда я преодолел примерно половину расстояния между лесом и городом, я встретил настоящего человека. Он — само воплощение деревенщины. Одежда, сделанная из некрашеной ткани, в пятнах и нитках, соломенная шляпа, травинка, торчащая изо рта, или что-то вроде того, что он жуёт, разглядывая меня со случайным интересом. Наверное, он фермер.

Он прокричал что-то, звучащее как дружеское приветствие, но оно полностью состояло из тарабарщины. У него странный акцент, не совсем немецкий, может быть, итальянский? Я не понял ни слова.

— Здравствуйте. Вы говорите по-английски?

Меня встретили пустым взглядом.

— Английский? Нет?

Он медленно оглядывает меня с ног до головы, очевидно, уделяя большое внимание моей одежде и массивному мечу на моем плече, затем снимает свою нелепую шляпу и кланяется.

Что?

Затем он выпрямляется и говорит что-то извиняющееся.

— Так вы не говорите по-английски? Где мы?

Он качает головой и говорит что-то еще, что все еще звучит как извинение.

— Se habla Espanol? Sprechen sie Deutsch? Русский? Nihonjin? Ching chong ping pong? Что-нибудь из этого имеет для вас смысл?

Он беспомощно смотрит на меня, затем указывает на город.

— Да, я вижу. Город. Можете меня подвезти до конца пути? Этот рюкзак очень тяжелый.

Меня встречает пустое выражение лица.

— Поездка?

Я имитирую вождение машины, а он смотрит на меня таким же пустым взглядом.

— Ладно, ты выглядишь бедным, может, не машина. Лошадь? У тебя есть лошадь?

Я проскулил, как лошадь, и сделал вид, что еду на ней. Он изобразил выражение внезапного понимания... затем покачал головой и сказал какую-то тарабарщину, которая звучит подозрительно похоже на то, что я услышал бы от кого-нибудь, желающего сообщить, что у него нет лошади, при наличии языкового барьера. Наверное это из-за того, что между нами языковой барьер, а у него нет лошади.

— Ладно, тогда не поедem. Похоже, я все еще иду пешком. Отлично. Спасибо. Хорошего дня, фермер Браун, — сказал я и помахал ему рукой, продолжая свой веселый путь.

«Где я, блядь, нахожусь?»

Я все еще размышлял над этим, приближаясь к городу. Да, это определенно город. Со стеной и массивными деревянными воротами на дороге. По обе стороны от ворот стояли два парня в котелковых шлемах и тусклых, но без ржавчины, нагрудных пластинах, с копьями в руках и скучающим видом. Они неподвижно смотрели, как я медленно пробирался по дороге к воротам, пока я наконец не оказался в пяти метрах от них.

Один охранник говорил мне что-то на тарабарском языке, на что я покачал головой, надеясь передать, что не понимаю.

— Я полагаю, что вы, ребята, тоже не говорите по-английски?

Старший из двух охранников выпрямляется и говорит на ломаном английском:

— Говорить по-хратчански. Некоторые. Вы путешествуете?

— Да, я путешествую. Где я?

Охранник смотрит на меня с немного растерянным выражением лица, коротко говорит что-то на тарабарском языке, затем отвечает:

— Вы знаете город?

— Конечно. Какой это город?

— Джирдан, — отвечает он, начиная слово с «дж» и как-то одновременно растягивая его и сокращая. Как итальянец, говорящий «buongiorno», но без утрированных движений рук.

— Джирдан. Хорошо. Что это за страна?

Он мгновение смотрит на другого охранника, затем отвечает:

— Страна?

— Да. Какая это страна?

— Это княжество Оссетрия. Ты не знаешь?

— Нет. Я путешественник. Я никогда не был здесь раньше.

— Что такое, торговля, путешествия? — Он показывает на мой цвайхандер и продолжает — Продать меч?

Он спрашивает, пришел ли я сюда, чтобы продать свой меч? Или если я продаю меч — наемник? Я пожимаю плечами и отвечаю:

— Нет. Есть ли поблизости трактир, где я мог бы остановиться? Я очень устал.

На самом деле, я мог бы идти еще несколько часов, даже с моим тяжелым грузом, но я хотел отдохнуть и сориентироваться. И особенно выяснить, что, черт возьми, происходит и где я нахожусь. Я начал подозревать, что все это происходит на самом деле, а не является тщательно продуманным розыгрышем.

— Гостиница?

Охранник осматрел меня с ног до головы, похоже, сосредоточившись на одежде, как это сделал фермер.

— Хочешь хороший трактир? Не надо плохого трактира — ограбят. Пойдем, мальчик, покажу тебе.

Он крикнул что-то нечленораздельное, и мальчик лет семи-восьми, босой и грязный, выбежал из соседнего дверного проема в стене возле ворот. Охранник показал на меня и сказал что-то невнятное, затем жестом приказал мне следовать за ребенком.

— Иди, парень. Покажу тебе хороший трактир. Доброго дня, лорд.

— И вам доброго дня. Спасибо.

Он пробормотал что-то неопределенное, похожее на увольнительную, и вернулся на свое место у ворот, поглядывая на другого охранника и жестикулируя на меня подбородком. Другой охранник, который за все это время не произнес ни слова, пожал плечами и вернулся к бескорыстному созерцанию фермерских полей вдалеке.

Я последовал за ребенком, который, кажется, ведет меня по все более красивым улицам — люди постепенно приобретают более чистую и красочную одежду, а здания начинают находить в лучшем состоянии, они больше и продуманнее. Архитектура определенно напоминает Европу 1600-х годов.

Я не вижу ни единого признака современных технологий: ни уличных фонарей, ни машин, никто не разговаривает по телефону, ни линий электропередач, ни спутниковых антенн, ничего. Все выглядит подлинным. Неужели я действительно нахожусь в какой-то фантастической вселенной? Как я сюда попал? Все это не кажется реальным. Как будто я спотыкаюсь в исключительно ярком сне.

Я пытаюсь задать парню несколько вопросов, но он просто смотрит на меня и пожимает плечами, как бы говоря: «Извините, я не понимаю». Хорошо, охранник говорил на ломаном английском, но больше никто здесь не говорит на нём?

В конце концов мы оказались возле трехэтажного здания. Честно говоря, оно выглядит довольно аккуратно. Оно имеет все квадраты и углы средневековой европейской архитектуры, шиферную крышу, побеленную внешнюю сторону, деревянные ставни на всех окнах. На одном из углов здания даже растет плющ. Этот угол выглядит так, словно сошел с картины эпохи Возрождения.

Парень показал на здание, а потом убежал в ту сторону, откуда мы пришли. Полагаю, это и есть гостиница.

Подойдя к двери, я не сразу понял, как я вообще должен ее открывать. Вместо дверной ручки дверь представляла собой просто гладкую плоскость полированного дерева. Из отверстия в центре двери свисала веревка, которая, как я сначала предположил, была привязана к звонку, но когда я потянул за нее, вместо звонка я услышал деревянный скребущий звук по другую сторону двери.

О, это струнная защелка. До изобретения дверных ручек в конце 1800-х годов существовало

множество способов фиксации двери, и этот был одним из самых распространенных. Это имело смысл. Когда вам нужно было открыть дверь, вы дергали за веревку, и она поднимала рычаг, который запирает дверь, позволяя ей открыться. Когда вы хотели помешать кому-то открыть дверь и войти внутрь, вы просто тянули за веревку внутрь; замки были дорогими.

Довольный собой, что разобрался достаточно быстро, чтобы свидетели поблизости не подумали, что я идиот, который не может понять, как открыть дверь, я шагнул внутрь и закрыл за собой дверь. Как только я захлопнул ее, деревянный рычаг с громким щелчком вернулся на место и заблокировал дверь. Похоже, я был прав.

Я оглядел комнату. Она была достаточно хорошо освещена открытыми окнами с двух сторон, ни в одном из которых не было стекла, но в центре комнаты висела люстра с полудюжиной фонарей и несколько настенных бра со свечами, я полагаю, для того, чтобы было видно, когда на улице стемнело. В правой части комнаты стояло несколько деревянных столов со скамьями и пара столов поменьше со стульями. На одном из небольших столов спала кошка, греясь в лучах солнца, а за другим сидел старик и сосредоточенно вырезал какую-то маленькую деревянную фигурку. Левую часть комнаты занимала длинная барная стойка, за которой стоял человек в фартуке, начищавший керамогранитные кружки. В задней части комнаты находилась лестница и дверь, ведущая на кухню, расположенную рядом с баром.

Я подошел к бару и положил свой меч, прислонив его к столешнице. Мужчина поднял одну бровь, глядя на него, но ничего не прокомментировал.

— Есть ли свободная комната?

— А, вы говорите по-хратчански. Добрый день, милорд. Да, у меня есть свободные комнаты. Сейчас не так много гостей, так что вы можете выбрать комнату, если хотите. Как долго вы пробудете?

Я задумался над этим вопросом на мгновение. Я также подумал о том, как я буду платить за комнату. У меня в бумажнике было около 100 долларов, чтобы заплатить за все, что понадобится в походе, но я был уверен, что он не признает американские долларовые купюры в качестве платежеспособной валюты. Я также был уверен, что он не принимает Visa. Монеты в моем кармане были меньше доллара и, вероятно, считались здесь ничего не стоящими — в 1965 году мы перешли с серебряных монет на медные, плакированные никелем, а в 1982 году даже наши центы перестали делать из меди, используя вместо неё плакированные медью цинк. Единственные «настоящие» деньги, которые были при мне, — это серебряный доллар, который я обычно ношу с собой как сувенир на удачу.

Откопав его, я передаю ему серебряный доллар и спрашиваю:

— На сколько мне хватит этого?

Он снова поднимает бровь и внимательно рассматривает монету.

— Ммм, очень мелкие детали, хорошо сделано, но я никогда не видел такой монеты раньше. Вы знаете ее состав?

— Девять десятых серебра, одна десятая меди. Это с моей родины.

— А. Это объясняет ваш акцент. Ну... — Он пару раз подбросил монету на ладони, ощущая ее вес. — Если предположить, что состав правдив, этого хватит на неделю, плюс питание.

— Понятно. Сколько порций?

— Завтрак предназначен только для гостей, проживающих в гостинице, и подается с момента восхода солнца до часа после восхода солнца. Ужин подается за час до захода солнца и в течение часа после захода солнца. Обед подается в полдень, но оплачивается дополнительно.

— Понятно. Не думаю, что мне понадобится еда в данный момент, — сказал я, думая о еде в моем рюкзаке. Ее хватило бы мне и моему племяннику на три дня, так что одному человеку должно хватить на неделю, особенно если я пропущу обед.

— Очень хорошо. Одну минуту.

Он нырнул под прилавок, и я услышал звук, похожий на грохот коробки, полной мелочи. Он вынырнул и протянул мне полдюжины серебряных монет. Они размером с четвертак, но очень тонкие. Края зубчатые; на одной стороне изображен бюст человека, предположительно местного монарха, а на другой — какой-то текст, который я не могу разобрать. Поскольку он спросил меня о составе металла моей монеты, наверное, неплохо было бы спросить его и об этих.

— Четыре десятых серебра, шесть десятых меди.

Как я и думал. Серебряный доллар — это не просто более крупная монета, содержание серебра в ней тоже выше. Из-за государственного долга, в который влезли многие королевства Европы после крестовых походов и ряда других войн на протяжении нескольких веков, содержание серебра в большинстве монет неоднократно обесценивалось, вплоть до того, что многие «серебряные» монеты содержали менее 10% серебра. Только после введения в начале 1500-х годов иоахимсталера, который был крупнее и имел более высокое содержание серебра, европейская валюта начала снова стандартизироваться и восстанавливать утраченную ценность. 40% содержания серебра — не так уж плохо, если учесть все обстоятельства.

Он отвел меня на второй этаж и показал несколько комнат — все они примерно одинаковые, так что я просто выбрал одну и расположился в ней. Он слегка поклонился, выходя из комнаты и закрывая за собой дверь.

В двери используется тот же механизм защелки с веревкой, что и в парадной двери гостиницы.

На двери есть бронзовый засов, и я могу потянуть за веревку внутри, чтобы никто не вошел, но я не нашел способа предотвратить проникновение кого-либо в мою комнату, когда меня там нет. Не знаю, как к этому относится. Нехорошо, конечно, но насколько распространено здесь воровство? Охранник сказал, что мне нужна хорошая гостиница, чтобы меня не ограбили, и это место, конечно, кажется чистым и высококлассным, но это не значит, что кто-то не зайдет в мою комнату и не украдет мои вещи.

Я оглядел комнату. Окно без стекла, только деревянные ставни. Простая кровать с толстой подушкой для матраса и шерстяным одеялом. Подушки нет. Рядом с кроватью небольшой стол, на котором стоит свеча из пчелиного воска в подставке. Под столом стоит небольшой деревянный стул, а у кровати — простой ковер. Оглядевшись вокруг, я увидел пару крючков для одежды у двери и раздвижную дверь, ведущую в то, что, как я предполагаю, является шкафом. Нет, рядом с ней уже стоит небольшой шкаф, так что, может быть, это ванная?

Открыв дверь, я заглянул в маленькую темную комнату. На стене висит полка с металлическим тазом, наполненным водой. К задней стене прикреплена скамейка с отверстием в центре; под скамейкой — деревянное ведро. На скамейке лежит небольшая стопка тряпок.

Ах. Ага. Это ванная. Интересно, кто отвечает за опорожнение ведра? Я не думаю, что они просто выбрасывают содержимое через окно на улицу — это место слишком высококлассное для этого, улицы снаружи, к тому же, были достаточно чистыми. И там не было никакого зловония.

Отложив на время вопрос о санитарии, я прислонил меч к стене, снял рюкзак, поставил его на пол и сел на кровать. После нескольких долгих минут попыток осмыслить все, что произошло за последние несколько часов, и пустого взгляда на дверь, я достал свой телефон.

Нет сотовой связи. Нет сигнала GPS. Нет текстовых сообщений. Доступ в интернет недоступен. Батарея на 71%. Я выключил телефон, чтобы сэкономить заряд батареи, и засунул его обратно в карман. Я смотрел на дверь еще несколько минут, колеса моего разума крутились, но ни к чему не приводили.

Потом я вышел из себя. Это недостойно, так что я избавлю вас от постыдных подробностей, но там было много ругани, и в процессе я ушиб костяшки пальцев о стену.

Это было реально. Я действительно был здесь. Я понятия не имел, как я сюда попал и как вернуться. Возможно, я застрял здесь навсегда. Я не особенно любил большинство членов своей семьи, но я все равно буду скучать по ним, если мне предстоит больше никогда их не увидеть. Сколько времени пройдет, прежде чем они заметят, что меня нет? Как они отреагируют? Когда они потеряют всякую надежду на мое возвращение и смирятся с мыслью, что я умер?

Я снова вышел из себя.

Я больше никогда не смогу смотреть телевизор. Водить машину. Срать в интернете. Слушать

разговорное радио. Ходить в кинотеатр. Наслаждаться кондиционером. Есть пиццу. Я не смогу достать из холодильника холодную содовую и выпить ее. Черт, я больше никогда не увижу банку газировки, если не считать горсти в моем рюкзаке.

Банка. Алюминиевая банка. Алюминий.

Чёрт возьми.

Я должен думать о том, как мне здесь выжить. В этом мире электрики не очень-то востребованы, если вообще востребованы. За ручной труд много не заплатят, для этого есть крепостные, а может, и рабы. Грамотность и образованность не помогут, так как я не владею ни одним здешним языком, очевидно, мое историческое образование относится к истории моего мира, а не этого, а науки и математика, которые я знаю, опередили свое время на столетия и не обеспечат еду на столе. Я довольно крупный парень, у меня есть меч и пара пистолетов, возможно, я мог бы наняться в наемники; боеприпасы очень ограничены, и я уверен, что мои любительские навыки владения мечом — ничто по сравнению с профессионалами, которые зарабатывают на жизнь боем на мечах, так что это тоже может оказаться не слишком выгодным вариантом. Это также не долгосрочный вариант, то есть, я вполне могу быть убит в первой же битве. Черт, укус блохи может привести к моей смерти от черной чумы.

Нет, мои навыки и образование, вероятно, не помогут мне, пока я не проведу еще много исследований об этом мире и его условиях. Мне нужна информация. Но прежде всего, и это более важно, мне нужен источник дохода, который поможет мне выжить, пока я не найду что-то, чем я смогу заниматься в долгосрочной перспективе, чтобы обеспечить себя. И если навыки и образование не помогут, то можно продать то, что у меня есть.

А у меня в рюкзаке стопка алюминиевых монет. Ни хрена себе. То, что я схватил их по прихоти, может спасти мою задницу.

Недолго подумав, что подобное является просто надуманным совпадением, которое встречается в исекай ранобе, я списал его на божественное вмешательство. Я достал монеты, засунул рюкзак в ванную и спрятал под тонким матрасом. Пистолет, который, кажется, никто за все это время не заметил, я спрятал обратно под рубашку. Бросив горсть монет в карман пальто, я вышел в коридор.

Да. Нет способа запереть дверь в моё отсутствие. Разве что просунуть веревку в отверстие, но тогда я окажусь запертым за пределами своей комнаты и не смогу попасть внутрь. На двери висит маленькая жестяная табличка с нарисованным на ней текстом, которой не было, когда трактирщик показывал мне комнату; я предполагаю, что на ней написано «занято» или что-то подобное. Взглянув на символы, вырезанные на стене рядом с дверью, и решив, что это номер моей комнаты, я занёс их в память и пошёл к лестнице. Осмотрев другие комнаты, я понял, что моя догадка о том, что это номера комнат, была верной, так как надпись на каждой из них отличается от других.

Вернувшись в холл/столовую на первом этаже, я подошёл к стойке, где трактирщик, очевидно, закончил полировать свою каменную посуду и теперь развлекался чем-то, что было похоже на игру в крестики-нолики с использованием цветных камней на деревянной доске. Старик все еще вырезал свою деревянную фигурку в углу.

— Простите?

— Да, милорд? — сказал трактирщик, сразу же оторвавшись от своей игры и выпрямившись.

— Есть ли поблизости место, где обменивают деньги или торгуют дорогими товарами?

Не выглядя особенно удивленным, трактирщик вышел из-за стойки, открыл входную дверь и указал направо.

— Идите в ту сторону, сверните налево, и там будет зеленое здание со статуей льва впереди. Они занимаются займами, обменивают золото на серебро, а иногда покупают такие вещи, как украшения или зеркала.

Поблагодарив его, я вышел на улицу, запомнил трактир и окружающие его достопримечательности и отметил направление на компасе. Будет ужасно, если я отправлюсь на поиски дорогого ломбарда, а в итоге не смогу найти дорогу обратно к гостинице, где я оставил свои вещи.

Идя по улице, я внимательно наблюдал за окружающей обстановкой. Большинство зданий здесь, похоже, магазины — я мог догадаться об этом, заглядывая в их открытые двери или окна. Свечной мастер, швея, сапожник и... кажется, один продает гончарные изделия. Я также обратил внимание на людей. Большинство из них хорошо одеты, хотя некоторые одеты в более яркие цвета, чем другие, а несколько мужчин идут с мечами или кинжалами на бедрах. Никто из вооруженных людей не носит доспехов или какой-либо униформы, поэтому я предполагаю, что они носят оружие либо как символ статуса, либо на случай, если их захотят ограбить. В любом случае, похоже, никто не возражает против того, чтобы кто-то был вооружен в городе. Охранники у ворот тоже не особо обратили внимание на мой меч.

Однако не все выглядели хорошо одетыми — я заметил несколько человек в пятнистой, заплатанной одежде, как у фермера, которого я встретил, и все они, кажется, заняты каким-то срочным делом, а не неспешно прогуливаются, как люди вокруг них, одетые лучше. Один нес бушель пшеницы в подсобку какого-то предприятия; возможно, это ресторан или пекарня. Я также заметил несколько человек в простых коротких туниках из некрашеной ткани с ошейником или чокером на шее — большинство из них, похоже, женщины, но есть один или двое мужчин, одетых подобным образом. Некоторые из них идут сами по себе и, очевидно, делают покупки, но другие явно сопровождают кого-то другого. Я говорю «явно», потому что к их ошейникам прикреплены поводки. Поводки держат люди, одетые гораздо лучше. Один мужчина в тунике, достаточно короткой, чтобы было понятно, что на нем нет нижнего белья, несет тяжелый ящик, полный, похоже, кусков ткани, а женщина в ярко-красном платье и с искусно завитыми волосами ведет его на поводке. Я предполагаю, что рабство здесь

действительно в порядке вещей... если только в этом районе нет какого-нибудь БДСМ-клуба, но я считаю это маловероятным. Один мужчина, одетый в трико, рубашку с пышными рукавами, оборками и воротником с оборками, который нужно было просто увидеть, чтобы поверить, вел за собой на поводке женщину в не менее красивом платье — ее руки были связаны за спиной, но каждый раз, когда мужчина останавливался, чтобы осмотреть витрину, она слегка прихорашивалась и явно наслаждалась вниманием мужчин-прохожих. Ладно, либо это определенно фетиш, либо она какая-то элитная рабыня, которую выставляют напоказ как символ статуса, чтобы показать, насколько состоятелен мужчина. Я даже видел, как одна бедная девушка, полностью обнаженная, за исключением ошейника и пары сандалий на шнуровке, рысила за своим предполагаемым хозяином, со связанными за спиной руками и стараясь не отставать от его гораздо более длинных шагов, чтобы он не перетянул ее поводок. Единственное внимание, которое это привлекает, — это благодарные взгляды нескольких мужчин, наслаждающихся видом, прежде чем вернуться к своим делам. Это не кажется настолько необычным зрелищем, чтобы вызвать чьи-то комментарии или излишнее внимание.

Ха. Значит, это такое место. Интересно, какая у них рабовладельческая экономика? В Древнем Риме раб-мужчина стоил в среднем около 500 серебряных динариев, а привлекательная женщина-рабыня могла стоить до 6 000 динариев. Когда римский динарий был впервые введен в обращение, его вес составлял примерно 95-98% чистого серебра и около 4,5 грамма. Американский четвертак, отчеканенный до 1965 года, весил 6,25 грамма и состоял на 90% из чистого серебра. Таким образом, серебряный денарий стоил примерно столько же, сколько американский кво́тер, может быть, чуть меньше. Четыре четвертака равнялись 0,715 тройской унции серебра; все серебряные монеты США, если сложить их в один доллар, равнялись 0,715 унции серебра. Таким образом, если раб-мужчина, предположительно для ручного труда, стоил 500 динариев, это означало, что цена раба-мужчины составляла примерно 125 долларов, если количество серебра было примерно одинаковым. В конце концов, за время своего существования динарий неоднократно обесценивался, поэтому цена в серебре может быть меньше, если мы говорим о серебряных долларах. Женщина-рабыня, очень привлекательная, стоившая около 6 000 динариев, стоила бы 1 500 долларов в серебряных долларах. Если предположить, что я правильно посчитал в уме, и содержание серебра в этих двух монетах примерно одинаково. Красивая девушка, явно купленная не для работы в поле, стоила в десять раз больше, чем мужчина в Римской империи.

Но это средневековая обстановка. К Средним векам стоимость серебряной валюты упала из-за обесценивания монет, римские золотые рудники были исчерпаны, а новые источники золота еще не были открыты, поэтому стоимость золота по отношению к серебру резко возросла. В то же время стоимость рабов колебалась. Раб-мужчина стоил около 15 унций серебра, или 21 доллар в серебряных долларах, а раб-женщина — более чем вдвое дороже. Это не такая большая разница в цене, как во времена расцвета Римской империи. За десятую часть унции чистого золота, монету размером с десятицентовую монету, можно было купить двух девушек или четырех мужчин.

С другой стороны, рабы в Америке стоили гораздо дороже. Многие европейцы приехали в Америку в качестве кабальных слуг, особенно ирландцы, и по сути считались расходным материалом. Черные рабы, с другой стороны, были рабами на всю жизнь и не могли быть освобождены после того, как выплатят свои долги, как кабальные работники, поэтому если черный раб получал травму или погибал во время работы, его владелец терял много денег. Средний раб в 1800-х годах стоил около 800 долларов в серебряных долларах, а поскольку в Америке 1800-х годов рабы были нужны только для ручного труда, особенно для сбора хлопка,

мужчины ценились немного больше, чем женщины. Никто не покупал африканцев в качестве сексуальных рабов.

В современном мире чернокожих все еще продают в рабство в Африке и на Ближнем Востоке, и стоят они от 80 до 300 долларов. Поскольку монеты больше не делаются из серебра, доллар не конвертируется напрямую, но, когда я проверял последний раз, серебро стоило около 15 долларов за тройскую унцию. Значит, если раб продавался за 80 долларов, то в пересчете на серебряные доллары это составляло... чуть меньше 4 долларов? Это звучит не совсем верно, но я запутался, пересчитывая в уме разные веса и чистоту серебра и суммы в долларах. В любом случае, современные рабы стоят до смешного дешево, по крайней мере, африканские рабы, служащие расходным материалом. Я уверен, что какая-нибудь красивая девушка из Восточной Европы, продаваемая в секс-рабыни в Израиле (мировая столица торговли людьми, всем привет), будет стоить тысячи, если не десятки тысяч долларов.

Так что если в этом мире примерно такие же условия, как в Европе в 1600-х годах, то рабы должны быть довольно дешевыми. Но это может быть не так. Я выбрал мир, примерно аналогичный центральной Европе начала 1600-х годов, но он явно не идентичен. Политика, экономика, история и все остальное наверняка будут сильно отличаться. Пока что я видел около дюжины женщин-рабов и только двух мужчин-рабов — либо женщины-рабы встречаются чаще, либо я просто нахожусь не в том окружении, чтобы увидеть больше мужчин-рабов. Мужчины выполняли ручную работу в поле, строили дома или занимались другой тяжелой и опасной работой, а женщины были домашними служанками, работающими в доме или лично ухаживающими за своим хозяином, готовящими, убирающими, приносящими корм и тому подобное. И секс-рабыни. Это было всегда. И я на 100% уверен, что именно секс-рабынями были бедная обнаженная девушка и хорошо одетая рабыня.

Если существует рабство, то откуда берутся рабы? Захвачены ли они на войне, импортированы из других стран, или у них есть население рабов, чьи дети также являются рабами, то есть всегда есть готовый запас? Если это место и время примерно аналогично Тридцатилетней войне, то либо идет большая война, либо она вот-вот разразится. Война означает пленных и грабежи, а значит, рабов. Может быть, именно оттуда они и пришли?

А вот и зеленое здание со статуей льва впереди. Пока я отвлекался на всякую бесполезную информацию о деньгах и рабстве (спасибо, диплом по истории!), я, кажется, прибыл к месту назначения.

Подойдя к двери, я начал искать шнурок, но его не было. Зато был молоточек. Я постучал в дверь три раза и стал ждать.

Мгновением позже лысеющий мужчина в белом трико, красном пальто с хвостом и пуховым воротником открыл дверь и взглянул на меня с вежливым, но отстраненным видом. Он воплощение того типа людей, которых вы представляете, когда слышите имя Дживс.

— Могу я вам помочь?

— Да, я слышал, вы обмениваете товары и валюту?

— Действительно, вы пришли в нужное место. Входите, мой господин, входите.

Он отошел в сторону, чтобы пропустить меня, а затем закрыл за мной дверь.

— Кого мне объявить, мой господин?

Почему все называют меня лордом или господином? Неужели моя одежда выглядит так шикарно? На мне рабочие брюки, футболка и камуфляжная куртка, а не колготки, пуговицы из полированной латуни, шелк и оборки. Может, моя одежда настолько необычна, что они принимают меня за иностранца или богатого эксцентрика? Они явно более высокого качества, чем те, что носят крестьяне, так что, возможно, дело в этом.

— Роланд. Роланд Шульц.

— Очень хорошо, мой господин. Пожалуйста, присаживайтесь, пока я вас представляю. Не желаете ли подкрепиться?

— Да, пожалуйста. Я прошел долгий путь.

— Тогда прошу меня извинить, — сказал он, слегка поклонившись, и вышел из комнаты.

Я сидел на мягком стуле в гостиной, расположенной рядом с парадным залом. Напротив меня стоит такое же кресло, а между ними — низкий полированный столик. Стены в нижней половине отделаны деревянными панелями, а в верхней — белой штукатуркой с цветочным орнаментом. Потолок тоже гипсовый, с золотой отделкой то тут, то там. Комната освещена парой высоких узких стеклянных окон — стекло достаточно прозрачное, чтобы видеть сквозь него, но все вокруг туманное и искаженное. Если предположить, что их технология изготовления стекла не уступает технологии моего мира того же периода, то эти окна дорогие, но не первоклассные.

Дворецкий, камердинер или кто он там, возвращается с серебряным подносом, на котором лежит небольшая гроздь винограда и кусок сыра, а также оловянный кубок с вином. Я не очень люблю вино, но я хочу пить и не хочу показаться невежливым, поэтому я с благодарностью принимаю его.

Входит другой мужчина, одетый в такое же трико и пуховик, как и мужчина, ведущий высокочлассного раба, и я вежливо встаю, чтобы познакомиться с ним.

— О, пожалуйста, садитесь, мой господин. Я слышал, что вы проделали долгий путь, так что, пожалуйста, расслабьтесь.

— Спасибо.

— Я Гирос Бертинельчик, владелец этого заведения. Какое дело у вас ко мне сегодня, мистер Шульц?

— Я заинтересован в обмене монеты высокой стоимости на какие-то деньги меньшей стоимости, которые было бы легче потратить.

Манеры и вежливое выражение лица Гироса ничуть не изменились, но у меня вдруг сложилось впечатление, что он разочарован и, возможно, считает, что я зря трачу его время.

— Конечно. Мы занимаемся такими делами. Всего одна монета, говорите?

— Да, — ответил я, не желая признаваться, что владею большим количеством, вероятно, очень ценных монет. Если стоимость не так высока, как я ожидаю, я могу сказать, что у меня есть еще несколько алюминиевых монет на продажу; если стоимость выше, чем я ожидаю, лучше придержать большинство из них, чтобы мной не воспользовались и не ограбили.

— Очень хорошо. У вас есть крупная золотая монета, которую вы хотите обменять на серебро?

Я достаю алюминиевую монету из кармана пальто и протягиваю ее вверх.

— Вы должны простить меня, я из очень далекой страны и только недавно приехал в эту страну. Насколько ценен здесь алюминий?

— Алюминий? — спросил он, явно смущенный. Он потянулся к монете, когда я протянул ее ему, и взял ее, кажется, удивляясь тем, какая она легкая. Он внимательно изучил ее, а затем, кажется, заинтересовался.

— Это серебро из глины?

Серебро из глины? Возможно, это их термин для алюминия. Первоначально его добывали из квасцов и глин, богатых алюминиевой рудой.

— Мы называем его алюминием там, откуда я родом. Это редкий металл, он не тускнеет и очень легкий.

— Да. Да, я вижу. Его очень трудно подделать. Я уверен, что это настоящая вещь, — сказал он, потирая рифленый край ногтем большого пальца и заметно волнуясь. — И вы хотите его обменять?

— Если я могу. Боюсь, что у меня нет местной валюты, а я хотел бы ее приобрести.

Он кладет монету на стол и на мгновение откидывается назад, положив руки на колени, видимо, в раздумье.

— Боюсь, что сейчас у меня нет с собой достаточно денег. Может быть, вы согласитесь продать мне половину вашей монеты?

— Половину?

— Да. Я могу организовать немедленную оплату половины монеты сейчас. Или, если вы предпочитаете продать всю монету, я могу получить остальные деньги через неделю или около того.

Я задумался на мгновение.

— Вы готовы заплатить мне половину сейчас, а вторую половину через неделю?

— Конечно! Однако сейчас я готов расстаться с половиной денег только в том случае, если половина монеты останется у меня.

— Это понятно. Я не думаю, что это будет проблемой. Но о какой сумме идет речь?

Гирос, не задумываясь, ответил:

— Сто талосов.

Дживс, или как там его зовут, выглядит испуганным. Это много? Или Дживс так реагирует, потому что его босс меня обманывает?

— Ммм. Не могли бы вы дать сто двадцать? — спросил я, прикидывая, как далеко я могу зайти. Я понятия не имел, сколько стоит талос, или даже какова стоимость товаров, кроме того, что за серебряный доллар, очевидно, можно купить неделю в трактире, получив мелочь на остаток. Талос — это одна из тех серебряных монет, которые я получил в качестве сдачи? Если это так, то алюминий стоит не так много, как я думал. Но Гирос сказал, что у него не хватает денег на целую монету, поэтому кажется, что талос должен стоить больше.

Гирос выглядел страдающим. Дживс взглянул на меня с удивлением, как будто не в силах поверить, что я такой жадный. Либо такое актерство для них рутина, либо я действительно прошу слишком много. Но сколько стоит талос?

— Боюсь, что в данный момент, мой господин, у меня не так много свободных средств.

Он не предложил мне чуть большую сумму. Думаю, это не подлежит обсуждению.

— Очень хорошо. Сто талосов.

Независимо от того, насколько дорог или дешев талос, это больше местных денег, чем у меня есть сейчас. И у меня еще остается 19 алюминиевых монет, так что ничего страшного, если меня надуют на цене одной. Если предположить, что он меня надует, то талос стоит не так уж много, также алюминий может быть или не быть таким ценным, как я думаю. Но он готов разрезать монету пополам и приобрести ее, значит, она должна чего-то стоить. Черт, сколько стоит талос?

Гирос щелкнул пальцами, и Дживс вышел из комнаты. Я потягивал вино и доедал кусок сыра, Гирос же откинулся в кресле, сцепив руки на коленях, и выжидательно смотрел на меня.

Не более чем через пять минут Дживс вернулся с другим человеком на буксире. Он нес маленький столик, на котором, похоже, были установлены тиски. Дживс передал Гиросу небольшую матерчатую сумку.

Гирос, приняв пакет, высыпал его содержимое на стол и взглянул на меня.

— Устраивает?

Чёрт возьми.

Здесь двадцать золотых монет, каждая из которых меньше в диаметре, чем серебряный доллар, но вдвое толще. Изо всех сил стараясь сохранить невозмутимое выражение лица, я взял одну и оценил ее вес — примерно в 15 граммов.

— Каков его состав?

— Девять десятых золота, одна десятая меди, с небольшим содержанием олова, чтобы золото не было слишком мягким.

Таким образом, у меня в наличии почти 150 грамм золота. И это за половину монеты. Ничего себе.

— Вполне удовлетворительно, — сказал я, перепроверя количество монет и засовывая их в карман. Я полагаю, что раз монет двадцать, а он предложил мне сто талосов, то каждая монета стоит пять талосов. Иначе он рискует, что я вернусь разгневанный, когда узнаю, что он меня обманул. Но я не думаю, что он так поступит — я явно говорю с ним на одном языке, он не

может считать, что я неграмотный и не могу прочесть номинал на монете.

— Очень хорошо, — сказал он, взяв мою алюминиевую монету со стола и передав ее человеку с маленьким столиком и тисками. Я подумал, что он собирается распилить ее пополам, но на самом деле мужчина отрегулировал маленький кронштейн, чтобы отцентрировать монету на столе, затем закрыл откидную крышку, защелкнул ее и начал вращать кривошип или винт. Через мгновение раздался легкий хлопающий звук, и он повернул кривошип в противоположном направлении один или два раза, затем снял крышку и откинул ее.

Моя алюминиевая монета была разделена пополам, точно посередине. Он передал две половинки обратно Гиросу, который положил одну часть в карман, а вторую передал мне.

— Приятно иметь с вами дело, мистер Шульц.

— И с вами, сэр.

- О, — сказал Гирос, слегка насмехаясь. — Я не рыцарь. Лорд сойдет.

— Моя ошибка, — ответил я. — В моей стране мы называем любого представителя высшего сословия сэром — если он рыцарь, мы добавляем его имя после «сэр».

— Интересный обычай, — сказал Гирос, явно просто из вежливости. — И вы все еще заинтересованы в том, чтобы продать вторую половину монеты позже?

— Да, это так.

— Очень хорошо. Я должен получить средства через семь или восемь дней. Я с нетерпением жду дальнейших дел с вами, мой господин.

— И я с вами, мой господин.

Гирос откланялся и вышел из комнаты, за ним последовал человек с тисками/монетоприемником. Дживс подвел меня к двери и придержал ее для меня, глядя на меня с, кажется, вновь обретенным уважением.

— Доброго вам дня, мой господин. Мы с нетерпением ждем, когда вы снова осчастливите нас своим присутствием.

— Спасибо, и вам доброго дня.

Он, кажется, искренне удивленный тем, что я так сказал, и слегка поклонился мне, когда я

вышел на солнечный свет.

Ну. Похоже, моя глупая прихоть схватить эти алюминиевые монеты спасла мою задницу. Теперь у меня есть средства. У меня есть, как я надеюсь, значительные средства. Я возвращаюсь в гостиницу, внимательно наблюдая за окружающей обстановкой. Отчасти для того, чтобы не заблудиться, отчасти из паранойи. Если бы Гирс захотел, он мог бы приставить ко мне кого-нибудь, чтобы тот мог лишить меня второй половины алюминиевой монеты и вернуть свое золото. Я останавливаюсь у нескольких магазинов, чтобы сделать вид, будто интересуюсь их товарами, и в то же время с опаской поглядываю на тех, кто может следить за мной. Я не замечаю, чтобы кто-то обращал на меня внимание, кроме нескольких заинтересованных взглядов проходящих мимо людей; вероятно, моя одежда сильно выделяется. Я замечаю еще несколько рабов, в том числе одного, пробегающего мимо с мешком картошки через плечо; может быть, это только мое воображение, но я могу поклясться, что у нее из-под туники торчит хвост или что-то в этом роде. Еще одна обнаженная девушка, со связанными за спиной руками и чем-то похожим на лошадиное удило во рту, проходит мимо, следуя за своим хозяином. И снова, если не считать благодарных взглядов мужчин, стоящих неподалеку, никто не обращает на это особого внимания. Действительно ли такое представление здесь распространено? Я не видел больше мужчин-рабов, кроме одного, который помогал крестьянину разгружать повозку, полную дров.

На всякий случай я обогнул квартал, но не заметил, чтобы за мной кто-то следил, даже после того, как зашел в лавку сапожника и сделал вид, что рассматриваю его обувь. В конце концов, я решил, что все в безопасности, а я просто параноик, и закончил свой путь к гостинице.

Но как только я приехал, меня встретило неожиданное зрелище.

Трактирщик с сердитым видом стоит у лестницы и смотрит на старика, который сейчас сидит за одним из столов. Его руки связаны перед ним, а под глазом у него синяк. Над ним нависает стражник, похожий на тех, что стоят у ворот в город.

Заметив меня, трактирщик с тревогой бросается ко мне.

— О, мне очень жаль, милорд! Я никак не ожидал, что в моем заведении произойдет такая вещь!

— Что случилось?

Я осторожно откинул пальто назад локтем, чтобы быстрее достать пистолет. Я не знаю, что здесь происходит.

Охранник жестом показывает на стол и отрывисто спрашивает:

— Это ваши вещи, милорд?

Я посмотрел на стол. На нём лежал мой охотничий нож, камуфляжная шляпа, карманное зеркальце из моего набора туалетных принадлежностей и книга, которую я взял почитать в поход (в надежде, что она понравится моему племяннику).

— Да, это так.

Охранник грубоватым жестом указывает на старика и говорит:

— Как я и думал. Похоже, этот парень подслушал ваш разговор с трактирщиком о продаже чего-то ценного, поэтому он поднялся к вам в комнату, желая чем-нибудь поживиться. Трактирщик поймал его на месте преступления

— Мне ужасно жаль, милорд! Он работает здесь уже больше года, всегда был надежным парнем, так что я не ожидал...

— Понятно. Это все, что он у меня украл?

— Мы больше ничего не нашли, милорд.

— Спасибо, что поймали его. — сказал я. Черт. Я знал, что невозможность закрыть за собой дверь будет проблемой.

Я забрал свои вещи со стола, когда охранник начал грубо оттаскивать старика к двери, и тут любопытство взяло верх.

— Я недавно в этой стране — как здесь наказывают воров?

— О, обычно их хорошенько порют на публичной площади, но этот уже получил свои полосы, — сказал охранник, задирая рубашку старика, чтобы показать несколько шрамов на его спине. — Так что его зарегистрируют как раба и продадут. Не думаю, что вы получите за него много — он старый и вор, так что никто его не захочет.

— Подождите — я что-то получу за него?

— Да, милорд, — удивленно сказал охранник. — Вы тот, кого он обидел, поэтому вам заплатят сумму, которую получится выручить за его продажу. Это не займет много времени, как только дело будет сделано, я принесу вам деньги.

— Не могли бы вы подождать, пока я приведу в порядок свои вещи и подтвержу, что ничего не пропало, чтобы я мог сопровождать вас?

Если оставить в стороне возможность того, что охранник прикарманит часть денег, мне на самом деле интересно посмотреть на процесс порабощения человека. Это расскажет мне больше о местной экономике и законах.

— Конечно, милорд.

Трактирщик снова подошёл ко мне, его щетинистые усы дрожат от волнения, когда он протягивает мне руку. Он держит мой счастливый серебряный доллар.

— Я пойму, если вы захотите найти комнату в другом трактире, милорд. Я не могу позволить, чтобы вас обидел тот, кто работает на меня, и сохранить ваши деньги.

Я положил в карман свой серебряный доллар. Я мог бы пойти в другой трактир, но я понятия не имею, где он находится, и насколько он будет респектабельным по сравнению с этим. А поскольку я не могу прочесть ни одной вывески, я не смогу определить, в каком здании находится трактир, не засунув голову внутрь.

— Нет, все в порядке. Я останусь здесь. У вас есть другая комната с замком на двери?

— Конечно, милорд, конечно. Позвольте мне взять ключ.

Для начала ему следовало дать мне комнату с замком. Но опять же, может быть, замки настолько дороги, что он не может позволить себе поставить их на каждую комнату в гостинице? Я все еще хранил свой серебряный доллар. И серебряные монеты, которые трактирщик дал мне на сдачу.

Он повел меня обратно в мою комнату, где я нашел содержимое своего рюкзака рассыпанным по полу. Я провёл быструю инвентаризацию, убедился, что ничего не исчезло, положил все на свои места, а затем, надев свой тяжелый рюкзак и достав из-под матраса меч, последовал за трактирщиком на третий этаж, где он отвёл меня в комнату и вручил большой латунный ключ. Уложив все вещи и убедившись, что дверь за мной надежно заперта, я вернулся вниз, где меня ждал охранник с угрюмым стариком, который до сих пор ничего мне не сказал.

— Готовы, лорд?

— Да. Веди.

Я следовал за охранником, грубо толкающим старика, изо всех сил стараясь сориентироваться, чтобы найти дорогу обратно к гостинице. После нескольких поворотов и разворотов мы оказались у большого двухэтажного здания с кованой оградой вокруг. При нашем приближении привратник, стоявший у ограды, открыл ворота. Затем охранник подвёл своего пленника прямо к входной двери и грубо постучал в нее.

Пожилая женщина с ошейником на шее, но в приличном платье и туфлях, открыла дверь, оглядела нас с ног до головы и пропустила внутрь.

— Чем, позвольте узнать, вы занимаетесь?

— Поймал вора, пытавшегося ограбить этого лорда, его уже один раз выпороли, так что пришло время отдать долг в ошейнике.

— Понятно. Пожалуйста, подождите здесь.

Женщина-рабыня убегает по коридору и исчезает на мгновение, а затем возвращается с двумя мужчинами. Один из них одет в мягкую стёганку, а в руке у него кожаная дубинка неприятного вида. Другой одет еще более причудливо, чем Гирос, его плащ украшен золотыми и серебряными кружевами.

— Вор, говоришь?

— Да, милорд. Он украл у этого иностранного джентльмена. Его работодатель поймал преступника на месте.

— Понятно.

Человек в модной одежде двинулся к старику и потянулся к нему. Он никак не отреагировал, когда старик оцетинился, но человек с дубинкой начал угрожающе размахивать своим инструментом. Старик оставался неподвижным, пока явный работороговец осматривал его зубы, ощупывал руки и кисти, изучал шрамы на спине.

— Ммм. Я не получу за него много. Как тебе дюжина тарлов?

Поскольку он, похоже, обращался ко мне, я пожал плечами в ответ. Мужчина достал из кожаного кошелька на поясе дюжину серебряных монет, похожих на те, что трактирщик дал мне в качестве сдачи, передал их мне, а затем велел наемному мускулу увести старика, чтобы больше его не видели.

Очевидно, что старик, который является известным вором, при продаже в рабство идет за ту же цену, что и завтрак и ужин каждый день в течение двух недель. Я уверен, что работороговец продаст его по более высокой цене, поскольку он не собирается продавать его себе в убыток, но это все равно не очень большие деньги за человеческую жизнь.

Охранник коснулся кончиком пальца края своего шлема-котелка в кратком приветствии мне, а затем вышел через парадную дверь, его дело сделано.

— Могу ли я еще чем-нибудь помочь вам, мой господин? — спросил причудливо одетый мужчина.

— Вообще-то, я недавно в этой стране и мне довольно любопытно узнать о вашей системе рабства.

Мужчина жестом пригласил меня следовать за ним и отвёл в другую комнату, где я сел напротив него в роскошной комнате с коврами и панелями, еще более красивой, чем та, в которой меня встретил Гирос. Должно быть, дела с рабами идут хорошо. Он что-то жестом указал женщине-рабыне, та поклонилась и вышла из комнаты.

— Ваш акцент очень причудлив, но я должен сказать, что ваше произношение и грамматика превосходны. Вы выучили хратчанский у своего наставника или в монастыре?

— Вообще-то, я изучил его благодаря другому путешественнику. Я родом из гораздо более далеких мест, чем большинство путешественников, которых вы встречаете, — ответил я. Честно говоря, я понятия не имею, как мне удастся говорить на его языке. Или, по крайней мере, на языке, на котором говорят представители высшего класса; очевидно, я не могу понять ни слова из того, что говорят простолюдины. Может быть, это магия. Я точно помню, что выбрал что-то о языках, когда я «выбирал свой мир», и я выбрал то, что казалось эквивалентом средневековой латыни, на которой говорили дворяне и духовенство. И я каким-то образом оказался в средневековом мире без сотовой связи после нажатия кнопки браузера на моем компьютере, так что, насколько я понимаю, это магия. Или достаточно развитые технологии. Функциональная разница между ними невелика.

— А. Ну, надо сказать, вы овладели им весьма искусно. Итак, что вы хотите узнать?

Рабыня вернулась с серебряным подносом, украшенным золотой филигранью, и поставила перед каждым из нас по серебряному кубку. Я попробовал — как я уже говорил, я не любитель вина, но это определенно кажется более качественным, чем то, что подавал Гирос. Работа в работорговле, определенно, хорошо оплачивается.

— Ну, в моей стране все немного по-другому. Рабство, по большей части, объявлено вне закона. Раньше оно было легальным, но существовали законы и обычаи, регулирующие эту практику. Мне любопытно, как это работает здесь. Большинство рабов — преступники, как он? — спросил я, обращаясь к старику. Мне, честно говоря, не жаль, что его продали в рабство; у воров все впереди.

— О, нет, конечно, нет. Большинство мужчин-рабов рождаются в рабстве; их родители — рабы. Некоторые из них — преступники, отбывающие наказание, другие — военнопленные или рабы из других стран, но большинство мужчин-рабов рождаются такими. Преступников освобождают через десять лет. Те, кто родился как раб или был куплен у иностранцев, освобождаются по достижении пятидесяти лет или в течение двадцати лет, в зависимости от того, что наступит позднее.

— Значит, если вы купите раба, которому исполнится пятьдесят лет до того, как он пробудет в статусе раба 20 лет, он останется рабом до истечения двадцати лет, — заявил я, желая прояснить ситуацию.

— Именно. Тогда как если он родился рабом в этой стране, он освобождается в пятьдесят лет, независимо от того, сколько ему было лет, когда вы его купили.

— Понятно, — сказал я, откидываясь назад и делая еще один глоток вина. На вкус оно все еще напоминает прогорклый виноградный сок, но это вино определенно более высокого качества, чем вино Гираса.

— Я заметил, что вы упомянули лишь рабов-мужчин.

— Да. По закону к женщинам относятся по-другому. Независимо от того, рождены ли они в рабстве, куплены у иностранцев или родились свободными, а затем попали в рабство, женщины являются рабынями пожизненно, пока их не освободит хозяин.

— Понятно. А большинство женщин-рабов рождаются в рабстве?

— Чуть больше половины. Женщин-рабов больше, чем мужчин, отчасти из-за спроса, а отчасти потому, что продать девушку в рабство при определенных условиях законно, тогда как мужчина должен совершить преступление, чтобы попасть в рабство.

Старика продали в рабство без суда и следствия. Я не могу представить, что система правосудия здесь особенно стеснена.

— Какие условия?

— Любая незамужняя женщина в возрасте до тридцати лет может быть обращена в рабство владельцем местного поместья, если ее семья не платит налоги. Отец может продать свою дочь в рабство, когда ему заблагорассудится, если она моложе тридцати лет и не замужем. Муж может продать жену в рабство, если она была неверна ему в браке. И, конечно, если женщина любого возраста совершит преступление, как это сделал тот мужчина, она также может быть обращена в рабство.

Эта культура не кажется особенно дружелюбной к идее равных прав для женщин. А их система правосудия создана несколько... от балды. Мне нужно знать больше, чтобы не наступать на пятки и не оказаться по ту сторону закона.

— Возможно, вы заинтересованы в приобретении раба? Вы кажетесь любопытным, и я уверен, что путешественнику, находящемуся далеко от дома, не помешает кто-то, кто будет помогать ему. Например, ухаживать за лошадью и снаряжением.

Хочу ли я раба? Меня сразу отталкивает этот вопрос, но что-то заставляет меня остановиться, прежде чем ответить на него. Мне нужно узнать об этом новом мире, в который я попал. Мне нужна помощь местного жителя, того, кто знает все тонкости этой культуры, ее законы, обычаи и общественные нравы. Кто-то, кто также не заведёт меня в ловушку. Я иностранец, который никогда не сможет вернуться домой или получить помощь из дома, отрезанный от поддержки, одинокий, уязвимый. У меня есть, вероятно, огромное богатство. Мои электронные устройства, хотя и не особенно полезные здесь, вероятно, считаются магическими артефактами и стоят дорого. Мои алюминиевые монеты, очевидно, довольно ценны здесь, и я уверен, что мой титановый столовый набор и походная печь окажутся безумно дороги, если кто-нибудь здесь знает, что такое титан. Черт, он дорог даже в моем мире. И я не видел ни одного человека с огнестрельным оружием; если у них есть оружие 1600-х годов, вроде спичечного аркебуза, то современный полуавтоматический пистолет с боеприпасами будет иметь огромную ценность. И я взял с собой несколько. В моем рюкзаке лежит небольшое состояние. Даже мой меч можно продать за довольно большую сумму, учитывая, что исторически мечи были довольно ценными, а мой имеет превосходную металлургию. Если бы кто-то узнал об этом, он мог бы предать меня и забрать мое, казалось бы, огромное богатство себе. Но если бы у моего родного союзника не было выбора в этом вопросе, он мог бы быть более надежным...

— Какие именно законы защищают рабов?

— Простите? — спросил мужчина, выглядя слегка растерянным.

— Когда рабство в моей стране было легальным, существовали определенные ограничения. Вы не могли бить раба так жестоко, что это приводило к необратимым повреждениям, или убивать раба. И когда они становились слишком старыми, чтобы работать, вы были обязаны заботиться о них в старости.

Еще одна причина, по которой к ирландским иммигрантам относились как к расходному материалу, в то время как к черным рабам относились более бережно: если они становились калеками, выполняя опасную работу, вы были обязаны заботиться о них до конца их жизни. В то время как если ирландец становился калекой, работая на вас, вы могли просто уволить его и нанять ему замену прямо с корабля.

Работорговец усмехается и качает головой, кончики его тонких вощеных усов покачиваются в такт его смеху.

— Здесь нет таких законов! Делай со своим рабом что хочешь: бей его, калечь, убивай, освобождай, балуй, мори голодом, это не имеет значения. Они — твоя собственность, и что ты с ними делаешь — твое дело.

Это уродливо. Кажется, что суровое обращение сделает рабов более склонными к бунту, но наказание за непослушание — это то, что хозяин считает нужным, даже если оно совершенно непропорционально предполагаемому проступку. В этом случае раб, скорее всего, не станет делать ничего, что могло бы вызвать гнев хозяина, вместо того, стараясь занять позицию «лучше попросить прощения».

— А если раб убежит или взбунтуется?

— Если раб убегает и его ловят, хозяин волен наказать его по своему усмотрению. Учитывая, что любой, кто поймает сбежавшего раба, может потребовать десять процентов от его продажной цены, чтобы вернуть его, большинство рабовладельцев будут... менее чем снисходительны, когда их раб будет возвращен. Для тех, кто наносит физический вред своим хозяевам, наказание может быть любым, вплоть до смерти. Если раб убивает своего хозяина, наказание — пытки, а затем его бросают с вершины скалы Главос на смерть. Сбрасывание с вершины скалы Главос считается унижением, предназначенным только для предателей государства и рабов, убивших своих хозяев.

— Понятно.

Значит, все так, как я и думал. У раба будет очень мало возможностей предать своего хозяина. В таком случае раб станет идеальным союзником в этом новом мире: он не может сказать «нет», не может предать мои секреты, ограбить или убить меня, не понеся сурового наказания. Но как многому раб сможет научить меня в этом мире? Я уверен, что они были бы ценным источником информации о культуре, но детали и нюансы истории, политики, иностранных дел, экономики и так далее были бы недоступны простой служанке или работнику в поле. Никто не учит устаревшее сельскохозяйственное оборудование читать и писать, а мне нужно научиться читать письменность этого места.

— Ты вы решили или?..

— Думаю, да. То есть, если я смогу найти подходящего раба. Может быть, у вас есть рабы, которых готовили к работе в качестве воспитателей детей? Способных читать и писать?

— Конечно. У меня есть рабы на все случаи жизни, — сказал мужчина с улыбкой. — Вы ищете наставника?

— Да. Я бы хотел сам посмотреть на рабов, найти одного с подходящими качествами.

— Конечно, конечно, я всегда рад похвастаться товаром, — говорит он, явно предвкушая продажу. Он пренебрежительно машет рукой женщине, которая все еще стоит с подносом, и говорит:

— Мне нужны наставники, грамотные. Пусть их немедленно соберут.

— Да, хозяин.

Она не совсем бежала, когда выходила из комнаты, но она определенно торопилась. Учитывая все его разговоры о том, что с рабами можно делать все, что угодно, я полагаю, она знала, что лучше не перечить ему.

Мы оба не спеша допили наши напитки, затем он встал, потянулся, а затем сказал с ухмылкой:

— Этого должно хватить надолго. Давайте посмотрим товар, не так ли?

Он повёл меня по длинному-длинному коридору в большую комнату, где восемь рабов, двое мужчин и шесть женщин, стояли в ряд, старшая женщина была наготове рядом.

— Каждый из этих рабов свободно владеет как хратчаном, так и курши, и может читать и писать на обоих языках. Каждый из них в разной степени владеет основами математики, географии, истории и естественных наук. Несколько из них все еще проходят подготовку в качестве наставников, так что, боюсь, они еще не полностью могут справиться с этой задачей.

Я смотрел на каждого из них, проходя по ряду рабов. Я действительно рассматриваю возможность покупки человека? ЧЕЛОВЕКА? Как ты покупаешь ноутбук или новые туфли? Это дерьмово, но да. Да, это так. Мне нужна помощь. Отчаянно.

Я проигнорировал первую женщину, которая смотрела на меня совершенно незаинтересованно. И вторую, выражение лица которой при взгляде на мою одежду дает понять, что она считает меня каким-то чудаком. Эй, это не я одет как Бургер Кинг, понятно? Первого мужчину я тоже пропустил мимо без комментариев, так как у него был наглый вид. Следующая женщина — пожилая, невысокая и захудалая, но с добродушным лицом и морщинами, которые говорят о том, что она много смеется.

— Сколько тебе лет?

— Шестьдесят два, мой господин.

— Как долго вы работаете наставницей?

— О, много лет, мой господин. Я вырастила и обучила два поколения герцогов Уэлби.

— Похоже, у вас есть опыт. Почему вы до сих пор не работаете у них?

— У нынешнего герцога нет детей, мой господин, поэтому мои услуги больше не требовались.

— Понятно.

Я кивнул работоторговцу, который жестом велел старухе выйти вперед и отделить себя от остальных. Это сильная претендентка, если она всю жизнь учила герцогов. Следующей рассматривалась молодая женщина, которая после расспросов извинилась и сказала, что только начала обучение наставничеству и пока не чувствует себя подходящей для этой должности. Я не уверен, говорила ли она это, чтобы быть честной и/или избежать наказания за

отсутствие квалификации, если я куплю ее, или она просто пытается избежать покупки. Как бы то ни было, я отказываюсь от нее. Следующий — ещё один мужчина.

— Как долго вы работаете наставником?

— Четыре года, мой господин. До этого я шесть лет был школьным учителем.

— Школьный учитель? Значит, ты недолго был рабом?

— Нет, мой господин. Я попал в рабство, когда моя страна вступила в войну с Оссетрией четыре года назад.

— Понятно.

Я снова кивнул работорговцу, и тот отошёл в сторону вместе со старухой.

Я прошёл мимо следующей женщины, у которой были остекленевшие глаза невыспавшегося человека и желтый синяк на щеке. Последней в очереди стояла... честно говоря, самая красивая девушка, которую я когда-либо видел. Как когда, например, ты заходишь на имиджборды, просматриваешь тему «Любишь — теряешь» и просматриваешь фотографии ужасно красивых девушек, красивее, чем все, с кем ты встречался лицом к лицу. Только она была еще красивее. Невысокая, ее макушка едва достигала моего плеча, стройная и тонкокостная. Она выглядела как эльфийка с её нежной, бледной кожей, румяными щеками, голубыми глазами и великолепными рыжими волосами. Она была единственной, кто был одет немного иначе, чем остальные: ее туника была удлинена за счет грубого пришивания дополнительной ткани к низу, так что она доходила до колен, а на голове у нее красовалась маленькая шляпка из той же ткани. Несмотря на дополнительную длину ее туники, я увидел рыжие волосы, свисающие под ней — о, рыжеволосая Рапунцель?

— Сколько тебе лет?

— П-пятнадцать, милорд!

Старуха прочистила горло, и девушка быстро исправилась.

— М-мой господин!

— Как долго ты работала наставницей?

— Я только начала, мой господин. Я умею читать и писать на хратчанской и куршском, и я выучила некоторые другие предметы, но, боюсь, я не закончила обучение, мой господин.

Хннг. Она очаровательна. Я кивнул работорговцу, и он жестом пригласил ее вперед, а затем отстранил пять рабов, которых я не выбрал для более тщательного изучения.

Я вернулся к человеку, стоящему в центре трио наставников-рабов.

— Так вы изначально приехали из другой страны?

— Да, мой господин.

— Насколько вы знакомы с этой?

Он бросил на меня страдальческий взгляд и признается:

— Я живу здесь уже четыре года, мой господин, но, боюсь, я знаю только столько истории и обычаев, сколько знает иностранец. Мой предыдущий хозяин купил меня, чтобы научить своего сына специально изучать мою страну, чтобы он мог служить там послом.

— Понятно.

Я бросил взгляд на работорговца, который жестом откинул человека. Круг сузился до мудрой старухи и миниатюрной красавицы. В этот момент работорговец сделал шаг вперед и первым жестом обратился к старухе.

— Марта — наша самая опытная преподавательница, не имеющая себе равных. Она учила нынешнего герцога Уэлби и его отца, а они считаются наиболее образованными и умными людьми. Из-за ее ценного опыта и знаний, конечно, она стоит недешево.

— Я уверен, — пробормотал я, пока старушка терпеливо улыбалась мне.

— А хорошенькая Лиска, ну, она еще учится быть наставницей, но у нее есть и другие применения, — сказал он, широко улыбаясь. — Она все еще девственница, так что о венерических заболеваниях можно не беспокоиться. Покажи ему.

Лиска, рыжая красотка, залилась ярким розовым цветом, но тут же подчинилась. Она отступила на несколько шагов к столу позади себя, села на него, подняла подол своей туники и раздвинула ноги, чтобы обнажить себя передо мной.

Я не смотрел особо пристально, отчасти потому, что мне было самому стыдно, а отчасти потому, что то, что болталось у нее между ног, застало меня врасплох. У девушек там ничего не должно быть! Но это не так... У нее был хвост. Кустистый, рыжий лисий хвост. Я думал, что ее волосы свисают так далеко вниз, но на самом деле они останавливались на середине спины — то, что я принял за волосы, было хвостом.

— И, — продолжил работорговец, все еще усмехаясь, когда старуха протянула руку, чтобы ободряюще похлопать девушку по руке, — как лисица, она не может забеременеть от человека, так что об этом тоже не беспокойтесь.

Я жестом попросил ее слезть со стола и перестать выставлять себя напоказ, что она и сделала без колебаний, все еще с красным лицом.

Старуха была бы весьма ценной, учитывая ее знания и опыт. Но мне нужна Лиска. И работорговец это знал, будь он проклят.

— Сколько за нее? — спросил я, жестом показывая на старуху.

— Полталоса, — отвечает он. — Дорого, да, но оно того стоит. Ее репутация не имеет себе равных.

Я до сих пор не знал, сколько серебряных монет составляет один талос, или как делилась золотая монета в пять талосов. Но если старик стоил дюжину мелких серебряных монет, а эта старуха полталоса, или одну десятую золотой монеты...

— А сколько за другую?

— Один талос, — ответил работорговец, заискивающе улыбаясь.

Я просил наставника, а не секс-рабыню. Разве ты не должен пытаться продать старуху?

О, черт. Он знает, какую из них я действительно хочу, так что именно на неё он пытается набить цену.

— Хммм...

— Я дам вам время все обдумать, — сказал работорговец, явно зная, что я выберу.

Как только он ушёл и сделал вид, что проверяет штукатурку стен на наличие пыли, Марта, старуха, наклонилась вперед и тихо сказала:

— Мы оба знаем, какая из них вам нужна, мой господин. Она хорошая умная девушка. Я хорошо ее обучила, и то, чего она не знает, она выучит.

Я поднял одну бровь на старуху, и она добродушно улыбнулась.

— Не беспокойтесь обо мне. Я довольно ценная, так что со мной будут обращаться хорошо,

даже если пройдет какое-то время, пока меня кто-нибудь купит. Давайте, — затем она повернулась к Лиске и снова похлопала ее по руке. — Не волнуйся, дорогая, он, кажется, хороший человек. У тебя хорошая голова на плечах. Помни, чему я тебя учила, и у тебя все получится.

Лиска покорно кивнула. И с этим решение принято.

— Не могли бы вы взять за нее полталоса? — спросил я, жестом показывая на крошечную рыжую головку.

— О, нет, я не могу!

— Значит, три четверти?

— Ну... Хорошо. Ты умеешь торговаться, но так и быть.

Умею торговаться, да? Мы почти не делали этого.

Старуха отстранилась и на прощание слегка сжала руку молодой Лиски, прежде чем покинуть комнату. Работорговец жестом указал на женщину, которая все это время стояла в стороне, и та взяла бумаги, перо и чернильницу.

— Это передает право собственности на неё вам. Подпишите все три экземпляра, пожалуйста. Одна — для вас, другая — для моих записей, а третья пойдет в офис магистрата, чтобы вы могли запросить подтверждение права собственности, если потеряете свою копию.

Я подписал бумаги, не в состоянии прочесть ни слова, и протянул работорговцу одну из золотых монет в моем кармане. Он бегло рассмотрел ее, затем полез в кошелек и поменял ее на четыре золотые монеты поменьше и несколько крупных серебряных монет.

— Вот и всё. Мы закончили. Наслаждайтесь своим новым приобретением, мой господин, — развратно сказал он.

Какой грязный старик. Конечно, я собираюсь наслаждаться своим новым приобретением. Но он все равно грязный старик.

Он сделал отмахивающийся жест Лизке, и она рысью побежала за мной, ее босые ноги шлепали по гранитному полу, пока работорговец вёл меня обратно к входной двери. Во мне метр восемьдесят два и я длинноногий — даже при неторопливой ходьбе ей приходилось делать два шага, чтобы соответствовать каждому моему. Она такая очаровательно маленькая! Мне просто хочется обнимать ее вечно.

Мудрость покупки кого-то, кто, как предполагает работорговец, будет грелкой для постели, а не более знающим и сведущим в мире учителем, сомнительна. Черт, я покупаю человека, все в этом сомнительно.

Но если это неправильно, я не хочу быть правым, черт возьми.

Когда мы вошли в прихожую, там оказался другой мужчина в ожидании — с ним была женщина в очень облегающем, откровенном платье. Ее руки были связаны за спиной, а поводок прикреплен к тому, что, как я предполагал, является крючком для одежды у двери. Так вот для чего они нужны? Работорговец поприветствовал его как старого друга, и они сразу же начали говорить о делах, направляясь в сторону комнаты ожидания, где мне подали вино, оставив рабыню стоять с поводком, привязанным к крючку на стене, как собаку, ожидающую, когда ее хозяин выйдет из магазина. Думаю, поскольку он уже совершил продажу, у него больше не было времени на меня.

Рабыня заставила Лиску завести руки за спину, а затем связала их хитроумным приспособлением из мягкой ткани — запястья продеваются в короткий рукав, затем вы тянете за ленту, обмотанную вокруг каждого запястья, и связываете их вместе; эти ленты не причинят рабыне боли, как кандалы, и хотя выбраться из них не так уж невозможно, побег займет много времени. Несмотря на свою простоту, это довольно умная конструкция. Затем она прикрепила к ошейнику Лиски поводок из тонкого шнура на маленьком металлическом D-образном кольце и передала его мне.

— Спасибо за покупку, мой господин. Пожалуйста, приходите в любое время.

Я кивнул ей головой, затем открыл дверь и вышел наружу с маленькой Лиской на буксире.

Уже поздно, я не обедал и не уверен, что смогу найти дорогу обратно в гостиницу, когда солнце сядет. Я также беспокоился о босых ногах Лиски — улицы, некоторые из которых мощеные, а некоторые из грязи и гравия, уже не особо удобны для ходьбы, а ведь солнце могло нагреть их. Но опять же, дорога не может быть слишком горячей — я видел других босоногих рабов на улице и вокруг. Несмотря на это, хотя я и не собирался тащить ее за собой, я шел бодрым шагом, и она с трудом поспевала за моими длинными шагами. Когда нужно, я замедлял шаг, чтобы дать ей возможность догнать меня, а не натягивать поводок, но я не останавливался, пока не прошел последний поворот и не увидел перед собой гостиницу, побеленные стены которой светились розовым и оранжевым в лучах заходящего солнца.

Войдя в трактир, я обнаружил, что люстра зажжена. За одним из столов сидели несколько посетителей и ужинали. Хозяин трактира поднял глаза от своего места, где он деловито полировал еще несколько керамогранитных кружек, и приветствовал меня с ухмылкой:

— Ну! Так вот почему вас так долго не было! Вы ушли с вором, а вернулись с маленькой красавицей!

— Что на ужин? — спросил я. Раньше я говорил ему, что мне не нужно покупать еду, но это

было тогда, а сейчас — сейчас.

— Тушеная говядина и свежее испеченный хлеб.

— Я возьму два, пожалуйста. И немного воды.

— Уже иду!

Я подошёл к маленькому столику в углу с двумя стульями и развернул Лиску, чтобы снять с нее ограничители, что заняло всего мгновение. Сняв матерчатый ограничитель, я положил его на стол. На столе был один из этих крючков. Я прикрепил ручку поводка Лиски к крючку на столе и сел. Я ожидал, что она сядет на другой стул, но вместо этого она опустилась на колени на пол рядом со мной, сложив руки на коленях. Может быть, я упускаю какой-то этикет рабовладения, и она не должна пользоваться мебелью, как обычный человек. Я пропустил это без комментариев, достал пару серебряных монет и положил их на стол. Я понятия не имел, сколько трактирщик возьмет с нас двоих за ужин, так что пусть сам разбирается.

Трактирщик все еще стоял за стойкой, полируя кружки. Полагаю, он не тот, кто приносит нам еду? А, нет. Женщина в тунике рабыни, но явно более чистой, чем те, что я видел до сих пор, вышла из подсобки с деревянным подносом и принесла его к нашему столу. Она поставила передо мной большую миску с тушеным мясом и большой кусок хлеба, а затем положила миску поменьше и маленький кусок хлеба перед Лиской. Она также поставила перед нами две каменные кружки с водой. Взяв со стола одну из серебряных монет, она отдала ее трактирщику, а затем вернулась на кухню.

Я сразу же начал есть, однако я заметил, что Лиска не притронулась к еде.

— Разве ты не собираешься поесть?

— Я должна дожидаться разрешения, хозяин, — тихо ответила она.

— Ну, у тебя есть разрешение. Ешь.

— Спасибо, хозяин.

С этими словами она взяла со стола свою миску и начал запихивать тушеное мясо в рот так быстро, что я боялся, что она подавится. Затем она вытерла миску маленьким кусочком хлеба, который тут же проглотила, поставила пустую миску на стол и снова упёрлась руками в колени.

Несмотря на то, что я пропустил обед и был очень голоден, я положил ложку своего рагу в ее миску, отломил кусок хлеба и положил его рядом с ее миской. Она удивленно посмотрела на меня, затем прошептала еще одно «спасибо, хозяин» и так же быстро съедала полученное.

Наверное, рабов не так уж хорошо кормят. Ну, не волнуйся больше, маленькая Лиска — твои голодные дни закончились!

Я закончил ужин, рабыня трактирщика забрала нашу посуду, и я отвёл Лиску по лестнице в свою комнату, отпёр дверь, неловко дернул за шнурок, чтобы снять засов, и привел ее внутрь. Затем я запер дверь и закрыл ее на засов — будь я проклят, если я позволю какому-нибудь вору пробраться в мою комнату, чтобы снова меня ограбить.

Я снял поводок с ошейника Лиски и бросил его на стол вместе с ее ограничителями, затем достал из кармана зажигалку Zippo и чиркнул ею. Лиска выглядела испуганной, но я использовал свет, чтобы найти свечу и зажечь ее, обеспечив приличное освещение. Убрав зажигалку, я со вздохом сел на край кровати. Ну и денек. За один день я неожиданно оказался в альтернативной реальности, был ограблен, продал человека в рабство и купил рабыню. Теперь я владею человеком. Как будто я только что купил хомячка в зоомагазине и принес его с собой домой. Меня это должно больше беспокоить.

— Подойди-ка. Дай я тебя получше рассмотрю.

Лиска послушно подошла и опустилась на колени на пол рядом с кроватью — так же, как и за столом? Неужели рабам нельзя сидеть на мебели?

Я похлопнул по кровати рядом с собой, и после минутного колебания она села. Я положил руку ей на плечо, как я надеялся, в качестве ободрения, и почувствовал, как она дрожит. Она боится?

Конечно, да. Она рабыня — я могу делать с ней все, что захочу, абсолютно все, и у нее нет выбора, кроме как позволить этому случиться. Работотровец рекламировал ее как девственницу, которую невозможно оплодотворить, и теперь я приказал ей сесть на кровать рядом со мной. Конечно, она напугана. Она думает, что я сейчас толкну ее на кровать и возьму ее прямо здесь.

Я взъерошил ее волосы руками — уф, ее волосы жирные и явно давно не мытые. Ее туника тоже грязная, и от нее пахнет. Не то чтобы неприятный запах тела или что-то в этом роде, просто застарелый пот. Ей явно не разрешали мыться в последнее время. Надо будет это исправить — завтра первым делом я спрошу у трактирщика, где можно помыться.

Все еще поглаживая ее волосы, я заметил, что должен был погладить ее ухо, но там ничего не было. Хм. Я заметил ее маленькую шляпку, сделанную из той же ткани, что и туника, и удивился, почему она у нее есть, а у других рабов нет. Я потянулся вверх и снял ее... открывая два остроконечных уха.

О. У нее лисьи уши!

Очаровательно. Чертовски очаровательно. Если бы у нее еще не было имени, я бы назвал ее

Холо. Я с любопытством ощупал ее уши, и она щелкнула ими, как будто я их пощекотал. Они могут двигаться! Я завороченно потёр заднюю часть ее ушей вверх и вниз, а затем начал чесать их основание. Ее уши сплющились набок, и она стала неуверенно смотреть на меня. Я стал чесать сильнее, у нее появилось странное выражение лица, так что я вновь усилился.

Ее левая нога начала неконтролируемо спазмировать вверх-вниз, как у собаки.

Хннннг! Лиска, ты такая милая, у меня от тебя инфаркт будет!

Я перестал чесать ей уши, так как она краснела настолько, что это было видно даже при свете свечи, и вернулся к поглаживанию ее уха. Хорошая девочка-лисичка. Милая девочка-лисичка. Все хорошо. Все в порядке. Хозяин не причинит тебе вреда.

— Уже поздно. Думаю, пора спать.

Лиска не ответила, поэтому я пошёл в маленькую ванную, закрыл за собой дверь и помочился в ведро. Затем я помыл руки в тазике с водой, не желая, чтобы Лиска видела мою реакцию на то, что мои руки стали жирными после поглаживания ее волос. Я не хочу ранить ее чувства.

Завтра мы сделаем тебя чистой до блеска.

Когда я вышел, Лиска снова стояла на коленях на полу возле кровати. Я вернулся к кровати и сел на край.

— Э, хозяин?

— Да?

— Могу я облегчиться?

— О. Да.

— Спасибо.

Она бросилась в ванную, закрыла за собой раздвижную дверь, и я услышал, как она тоже писает в ведро. Как она нашла его в темноте? На ощупь, или у нее есть какой-то особый лисий режим ночного видения? Я понятия не имею, как устроен ее вид.

Она быстро возвращается и неловко встает рядом с кроватью.

— Хозяин?

— Да?

— Вы предпочитаете, чтобы я спала у ваших ног или рядом?

Она немного вонючая. И эта туника грязная и нуждается в стирке. Но я не хочу ранить ее чувства.

— Рядом со мной будет хорошо.

После этих слов Лиска тут же опустилась на ковер рядом с кроватью и свернулась клубочком, прижав колени к груди в позе эмбриона. Ожидается ли, что рабы будут спать на полу? Это проявление заботы о хозяине, позволяющее мне занять всю кровать, а не делить ее? Или она боится, что если она ляжет со мной в постель, я наброшусь на нее? Я что-то упускаю, просто не знаю что.

Поскольку на кровати было два одеяла, я стянул одно и накрыл ее им, вызывая еще один удивленный взгляд.

— Спасибо, хозяин.

— Не за что. Иди спать. Завтра у нас большой день.

Я достал из рюкзака самонадувающуюся подушку, снял ботинки, носки и брюки и бросил их на стул рядом с кроватью, а пистолет 45-го калибра засунул под подушку, упираясь в нее одной рукой, и задул свечу. В комнате мгновенно наступила кромешная тьма.

Одному в темноте — ну, хорошо, технически не одному, поскольку рядом со мной на полу свернулась калачиком девочка-лисишка, но в достаточно темной комнате можно остаться наедине со своими мыслями. Я лежал в темноте, мысли вихрились, тревога нарастала и не давала мне уснуть. Я никогда больше не увижу свою семью. Я купил человека как собственность. Я совсем один в чужом мире и никогда больше не смогу вернуться домой. Я дрейфую, я один, у меня нет ничего знакомого и никого, кого бы я знал.

В темноте я услышал сопение и тихие звуки — Лиска старалась плакать как можно тише.

Она — рабыня. Совсем одна, без знакомых, в темноте, с незнакомым мужчиной, который теперь владеет ею, как парой туфель.

Не только я один одинок на незнакомой территории. В каком-то смысле, я думаю, мы оба чужаки в незнакомой стране.

Я протянул руку в темноту, нашёл плечо под шерстяным одеялом, под которым она зарылась, и

осторожно погладил его.

— Шшшш. Шшшшш. Все в порядке. Иди спать. Шшшшш.

Она издала икающий звук, затем затихла. В конце концов я услышал тихое дыхание заснувшего человека. Я снова положил руку на рукоятку пистолета и в конце концов, каким-то образом, мне удалось заснуть самому.

<http://erolate.com/book/3187/76917>